

(198.080) (198.081) (198.082)

Артист и мастер изображения

Юлия КУЛАГИНА

16 марта, в день рождения Сергея Юрского, в Театре имени Моссовета состоялся юбилейный вечер, посвященный сразу трем датам: 70 лет со дня рождения, полвека на сцене, 25 лет в Театре имени Моссовета.

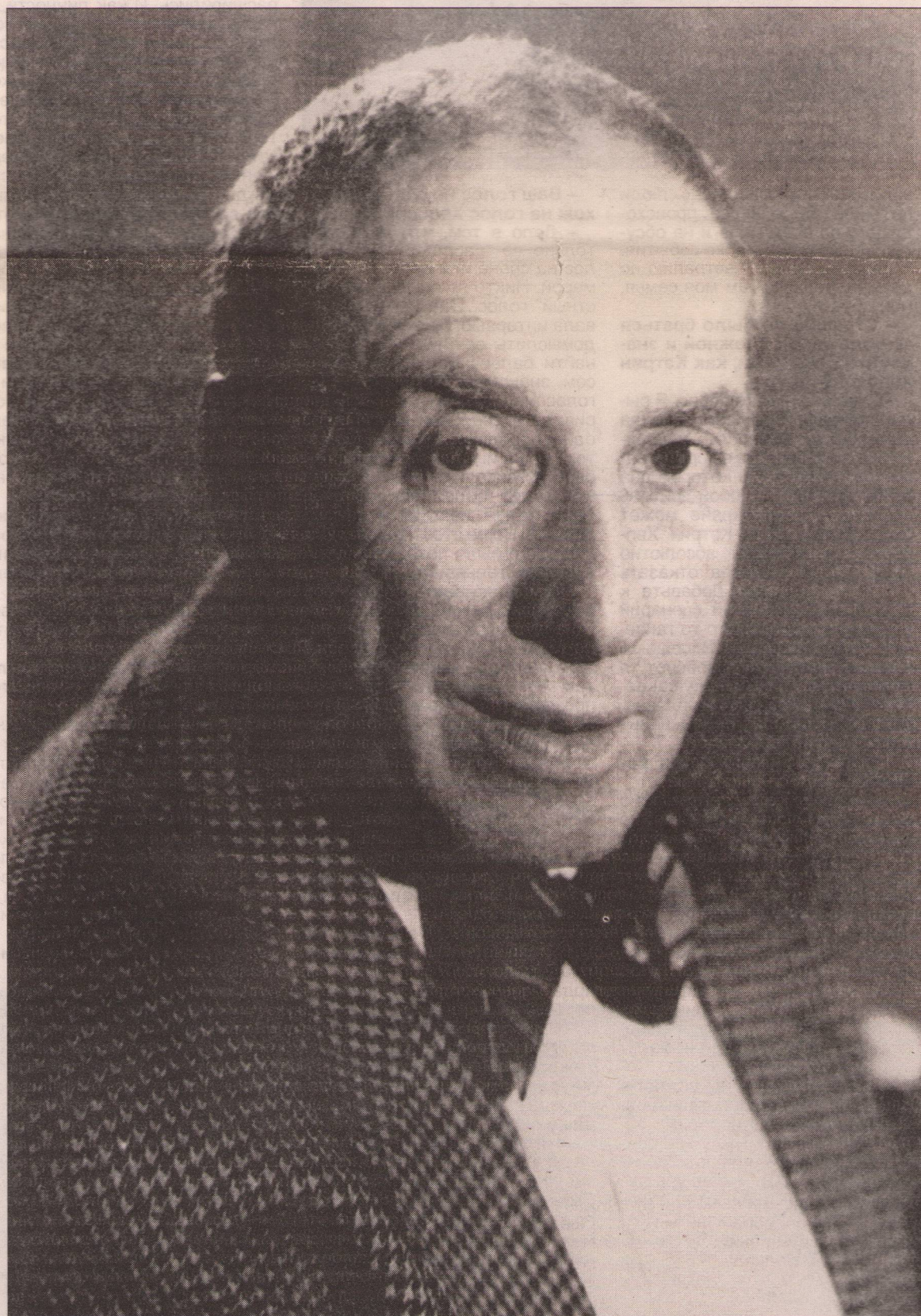

Фото И.АЛЕКСАНДРОВА

улет, потом — в "корабль испанский трехмачтовый", его Фауст легко разломит на две половинки, и они вновь станут обыкновенными стульями.

Иллюзия разрушается, чтобы через мгновение вновь восторжествовать над переполненным залом, который будет гомерически хохотать над приключениями Степы Лиходеева из булгаковского "Мастера и Маргариты" или историей конфуза, приключившегося с маленьким мальчиком Минькой из рассказа Михаила Зощенко. А еще через мгновение тот же зал будет вслушиваться в чеканные строки:

"А затем прощалося лето
С полустанком. Снявши шапку,

Сто слепящих фотографий
Ночью снял на память гром".
А спустя несколько минут один человек на сцене будет и хором, и солистом в кантате "Веселые нищие" Роберта Бернса. А потом — медленно и раздумчиво, точно вспоминая что-то давно минувшее, Юрский начнет читать Бродского. И здесь вновь появится созвучия. Бродским для Сергея Юрского заканчивается пушкинский век русской литературы. И поэтому на чтецких вечерах они всегда соседствуют: Пушкин и Бродский.

И снова окажется зыбкой и почти неразличимой граница между смехом зрителей и печалью, охватывающей художника. Последнее время эта печаль становится все отчетливее. Сергей Юрский не позволяет ей превратиться в уныние — насмешливается, иронизирует, но преодолеть ее, кажется, не в силах.

В "Школе современной пьесы" Сергей Юрский поставил спектакль "Провокация" по пьесе Игоря Вацетиса. Название оказалось пророческим: в пьесе искали потаенные смыслы, трактовали на все лады название. Исполнителей упрекали за гротесковость манеры игры, Сергея Юрского — за чрезмерную пустоту красок. А он рисовал на сцене карикатуры. Подводил итоги 90-х годов XX века может быть, чуть преувеличивая, но верно по сути. В финале фантазмагорической истории звучал вопрос: "Мы все сошли с ума. Вопрос: когда?" Ответ именно на этот вопрос и будет последние несколько лет искать всеми своими работами Сергей Юрский.

Нынешнее время оказалось довольно странным. Виновата ли в этом смена тысячелетий, или какие другие природные катаклизмы, неизвестно. Но только встало все с ног на голову, и образовался некий хаос идей, понятий и норм. Разобраться во всем этом сложно, успеть за всеми переменами — практически невозможно. Юрский и не пытается. Упрямо сопротивляется все увеличивающейся скорости жизни, удерживаясь от желания махнуть на все рукой. Ставит, играет, пишет, высматривая в зале новые лица. Ему очень важно поговорить с этими людьми, попытаться понять что он — из другого поколения. Из Другой страны. И в той стране у него был Театр и был Режиссер — Георгий Александрович Товстоногов. И были сложные взаимоотношения с ним, и были обида и горячий восторг, до сих пор смешанные в душе. По сию пору продолжает Юрский внутренний диалог со своим режиссером.

С сегодняшним днем и с сегодняшним искусством, или с тем, что все чаще и чаще его замечает, Сергей Юрский вступает в сильное противоречие. Несколько лет назад, на исходе зимы 1997 года, на сцене

МХАТа имени А.П.Чехова режиссер Вячеслав Долгачев вывел спектакль "После репетиции" Ингмара Бергмана. На сцене стояла красивая волшебная шкатулка, прокручивавшая под музыку картинку, в глубине виднелся лист фанеры, торчало огромное колесо. И было много пустоты, из нее замедленно появлялись герои спектакля, и пространство оживало, наполняясь голосами. Это был спектакль про театр, про странную профессию режиссера и не менее странную профессию актера, которые непонятно зачем и неизвестно почему никогда не находят в себе сил порвать со страшным Молохом и тратить, тратить без остатка все свои силы, приносят бесконечные жертвы ради этого самого театра.

Юрский в роли режиссера Хенрика Фоглера был сдержан и точен. Его герой будто все время прислушивался к чему-то, к каким-то звукам, не слышимым никому, кроме него. Точно носил в себе некую тайну.

А чуть раньше, будто желая сравнений, на сцене театра имени Моссовета Юрский-режиссер в соавторстве с художником Александром Боимом поставил пьесу А.Н.Островского "Не было ни гроша, да вдруг алтын". На сцене явилось Замоскворечье во всем обаянии зелени, деревянных заборов, почти физически ощутимого запаха яблок.

Спектакль был любовно-подробен, а программа гласила, что мы имеем дело с "самой современной из всех классических пьес, где даже в самом названии дважды упомянуты деньги. Но ТРОШ" и "АЛТЫН" — это только для завязки. К концу счет пойдет на тысячи, а то и на миллионы". Поднадоевший поступил об актуальности классики Юрский разрушал радостью лиричности, праздничностью театра и будто невзначай обнаруженной современностью давней пьесы.

Его Островский будет легок, радостен и мудр. А сам Сергей Юрский выберет совсем другой способ игры. Все в той же пьесе "Железнодорожник", со своим партнером по спектаклю Николаев Волковым, они составят пару абсолютных противоположностей — не только персонажей, но и манер актерской игры. Юрский — эксцентрик, легко переходящий от подблюдного психологизма к почти клоунским приемам. К резкому рисунку он пристрастен с юности, всегда охотно пользуется преувеличениями. Не отказывая себе в удовольствии продемонстрировать эти умения, выбирает для себя самые контрастные роли. Иногда, впрочем, с удовольствием совмещает обе манеры в одной; так был сыгран Фомка Опескин в "Селе Степанчикове и его обитателях" в театре имени Моссовета в режиссуре Павла Хомского.

О персонаже романа Достоевского писали много. И о "русском Тартюфе", и о неистребимом желании быть Учителем, тем, кто знает, как надо. Фомка Сергея Юрского представлял именно тем самым мессией. И неважно, что с маленькой буквы. Он главенствовал. Он учил и обращал в веру. И тончайшие подробности характера соединялись с размахистостью жестов, грубым басом и брезгливым выражением лица.

На самых первых спектаклях Фомка Фомич даже обнаружил подозрительное сходство с одним, в ту пору видным политиком, и зал радостно реагировал на некоторые, особо схожие, реплики. Время изменилось. Политик остался, лишь немного потеряв в своей популярности. Актер, отказавшись от злободневности, много выиграл, ибо его Фомка Фомич неожиданно стал гораздо крупнее и страшнее в своей абсолютной уверенности в праве решать за всех.

В финале спектакля оставался мучительный вопрос: как мог появиться Фомка, почему неплотные, негнупые, честные люди позволили ему командовать собой — "Мы все сошли с ума. Вопрос: когда?"

Нужно отыскать причины, истоки болезни. И Юрский-режиссер и Юрский-актер исследуют явления перекошенной, изменившейся жизни. От этого — аскетизм оформления спектаклей, значительность открытого пространства сцены. Артист должен быть хорошо виден и хорошо слышен для того, чтобы ничто не отвлекало от ситуации и выявления причин.

В спектаклях Юрского сильно рациональное начало. Эмоциональность — привилегия зрите-

Юрский играл этот мир. И ахал, и вздыхал, и цеголял французским языком, и ловко обращался с цилиндром, и появлялся в кадре в плаще и модном галстуке, описывая посещение Онегинского театра. А в описании красоты Ольги Лариной:

"Как поцелуй любви мила,
Глаза как небо голубые;
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голос, легкий стан..."

в нарушение всех правил художественного чтения придумал исчерпывающую деталь: подходил к столику, на котором стоял кувшин то ли со сливками, то ли с молоком, брал с блюда крупную ягоду клубники, окунал ее в белоснежную жидкость и с удовольствием откусывал, продолжая произносить текст. Ассоциация с избитым выражением "кровь с молоком" тут же приходила на ум. И с Ольгой все становилось ясно:

чество рассказчика — уборщика в общественном пражском туалете, куда, как в последнее убежище, прятались люди, выкинутые жизнью на обочину.

Речь в спектакле шла о плате за свободу, о том, как не терять достоинство и что делать, если кто-то очень хочет навязать тебе свою волю. Однажды все это случилось и в нашей стране, и выйди "Нули" на несколько лет раньше, — создался бы мощный резонанс. Теперь возникли иные проблемы, воспоминания потускнели, и все как-то расслабилось, о многом забыв. А герой Юрского на сцене взволнованно говорил о праве человека быть свободным и об обязанности быть достойным этой свободы. Чехословакия мучительно пережила советские танки на своих улицах. Российские танки на российских же улицах смотрелись не менее дико, но это было — и уже

ший соблазн и едва ли не подарок судьбы. Но сыграть персонажа истории не столь уж давней, кому-то знакомой отнюдь не по книгам, избежав при этом соблазна собственной оценки, — дело весьма трудное.

В "Вечернем звоне" Иона Друце налицо резкое противопоставление: инферальной фигуре Вождя противопоставит молоденькая девушка по имени Надежда Блаженная. Добро и Зло обозначены четко, и все перипетии борьбы между двумя силами можно предугадать. Авторские построения ломают сам главный герой.

В первом акте Сергей Юрский появляется на сцене без грима. Простой китель, галфрей, курительная трубка в руках. На то, что это, возможно, Сталин, указывает лишь грузинский акцент. Однако никто даже не сомневается, что это и есть Великий Вождь Всего Прогрессивного Человечества. Ожидание значимой фигуры переходит в желание увидеть эту фигуру в любом пришедшем человеке. И в Сталина без усов поверят так же, как однажды чиновники уже поверили в важность Хлестакова. Разумеется, с поправкой на значительность персонажа.

В первом акте Сергей Юрский играет не столько самого Сталина, сколько представление о власти. Во втором — уже в гриме, невероятно похожий на исторический персонаж, потянувшийся, холодный — сыграет человека, этой властью пресыщенного. Его Сталин поднялся так высоко, что осталось только дернуть Бога за бороду, но именно на это последнее усилие никак не хватает сил. И неизвестно, что означает — неконечная ли семинария, огромная ли усталость или "враги народа". Но даже если все это преодолеть — кто оценит его поступок, кто восхитится его мудростью, смелостью, гениальностью. Нет никого. Ни друзей, ни близких.

Великий Друг Всех Народов невероятно одинок. До жалости. Его жаль, как, может быть, жаль человека неполноценного, калеку. Его жаль, как жаль того, кто упустил в жизни что-то очень важное и невозвратное.

И незаметно закрадывается мысль: а уж не от Фомы ли Фомича Опескина происходит этот кумир? Не таятся ли обманчиво тоненькая, а на самом деле, весьма крепкая ниточка от всех этих мелких домашних тиранов, одного из которых так почитали в доме полковника Ростанева, к самому Сталину? И два совершенно разных текста вдруг начинают звучать общим мотивом.

Как относиться к герою — каждый решает сам. Но ни базисного осуждения, ни абсолютного оправдания, ни презрения заслуг — ничего нет в актере Сергее Юрском, играющем Иосифа Сталина и поставившем этот спектакль. Для него эта роль — еще один повод для размышлений. Еще одна попытка ответа на мучающие вопросы.

Он удивляет. Неожиданностью материала, исполнением, созвучий текстов. Он может быть эксцентричным и невероятно мягким, почти нежным, резким и насмешливо-пустым. Легко соскальзывает в импровизацию и очень не любит фотографироваться в гриме, ревностно оберегая таинство профессии. И любя ее превыше всего.

"Его портрет: он очень мил, Я прежде сам его любил. Но надоело он мне безмерно".

Пальцы быстро вытирались салфеткой, она с едва ощутимым раздражением отбрасывалась, как надоевший портрет пошлой красавицы. И обернувшись вполголоса, потеплевшим голосом рассказчик произносил:

"Позвольте мне, читатель мой, Заняться старшей сестрой..."

Артист рассказывал историю. Вновь, верный своему принципу, он искал драму, превращая поэму для чтения в спектакль. И вновь доверялся автору, открывая в словах потаенный, ранее неизвещенный смысл. Он смещал ударения, делал паузы, и хрестоматийное произведение ошеломляло новизной. Юрский шутил, негодовал, признавался в любви, грустил и просто беседовал онегински строкой. Как потом — текстом прозаическим — шутил, негодовал и беседовал со зрителем, пришедшим на спектакль "Нули" в постановке Яна Буриана во МХАТе имени А.П.Чехова.

Пьеса чешского драматурга Павла Когоута рассказывала о новейшей истории Чехословакии. А персонаж Сергея Юрского — Ярда выступал в ней в ка-